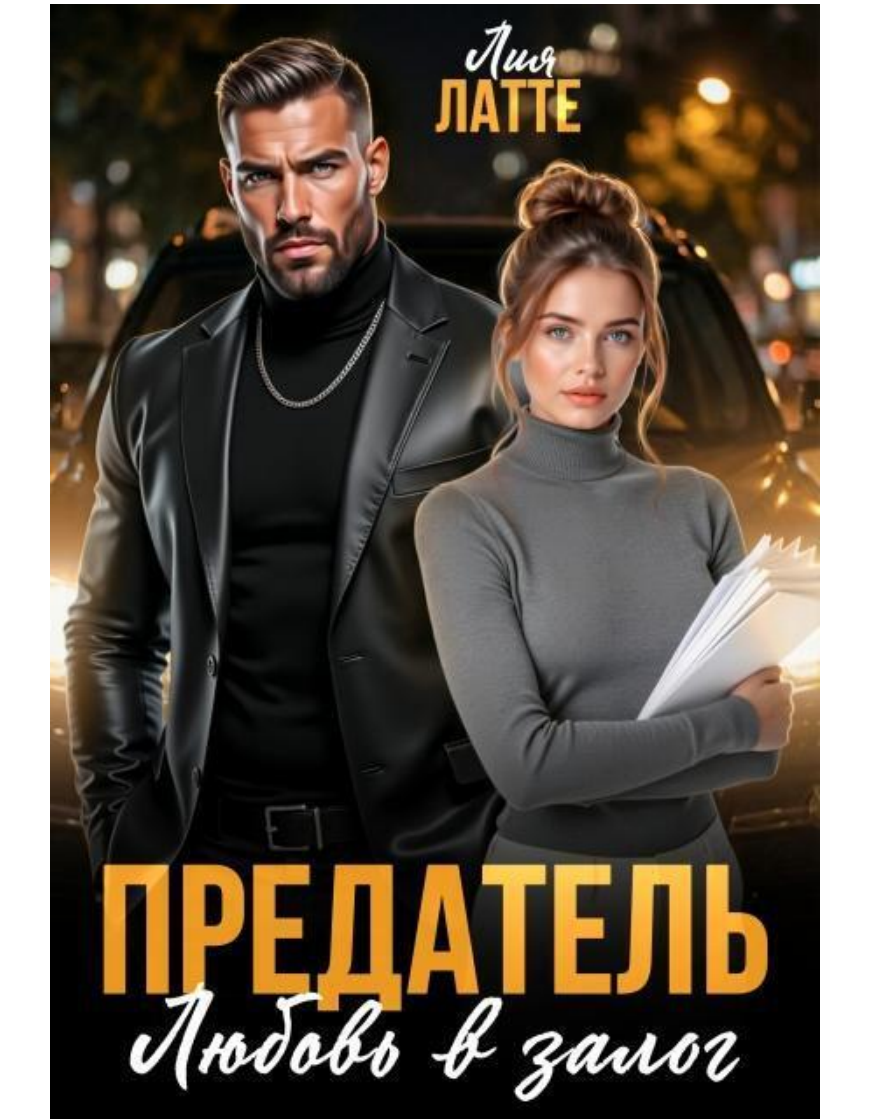

A man and a woman are standing in front of a dark car at night. The man, on the left, has a beard and is wearing a black leather jacket over a black turtleneck and a chain necklace. The woman, on the right, has her hair in a bun and is wearing a grey turtleneck, holding a stack of papers. The background is a blurred city street with warm lights.

Лия
ЛАТТЕ

ПРЕДАТЕЛЬ

Любовь в залог

Лия Латте

Предатель. Любовь в залог

<https://litres.ru/74206687>

Аннотация

— Где Илья? Дайте ему трубку.

На том конце повисла пауза. И в этой паузе я слышала звуки, которых не могло быть в моем мире. Легкая джазовая музыка, мелодичный звон столовых приборов о фарфор, далекий смех. И... шум прибора?

Нет, бред. Откуда в Москве, в грязном октябре, шум прибора?

— Илюша сейчас не может говорить, — промурлыкал женский голос. — Он в душе. Устал с дороги, бедняжка. Перелет был долгим...

— Какой перелет? Вы кто такая? Почему у вас его телефон?

— Лариса, послушай добрый совет, — тон женщины изменился, лишившись всякой игривости. — Перестань истерить. Илья не вернется. Мы в другой стране, у океана, и достать нас отсюда твоим кредиторам будет... весьма проблематично. Так что разбирайся сама.

— Дай ему трубку, — прошипела я, вкладывая в эти слова всю ненависть, на которую была способна. — Немедленно дай ему трубку! Я хочу слышать, как он это скажет! Пусть он сам скажет мне, что предал меня! Что он заложил нашу квартиру!

— Он не хочет с тобой говорить, — отрезала она. — И он просил передать, чтобы ты не искала его. Не унижайся. И... удачи, Лариса, она тебе пригодится.

Содержание

Глава 1. Предчувствие	5
Глава 2. Оценка	10
Визуализация героев	14
Глава 3. Подпись	15
Глава 4. Абонент в сети	21
Глава 5. Распродажа	28
Глава 6. Невидимка	34
Глава 7. Лишний свидетель	41
Глава 8. Последний аргумент	49
Глава 9. Пари с самим собой	54
Глава 10. Тест на выживание	59
Глава 11. Передышка	66
Глава 12. Новый статус	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава 1. Предчувствие

Я всегда знала, что мой муж – человек-хаос. Вечно он куда-то бежит, вечно у него какие-то «темы», «проекты», «варианты». Я, как бухгалтер, привыкла к порядку, но именно это в нем и любила – эту его искру, желание свернуть горы ради нас.

Но в последнее время эта искра превратилась в лихорадочный блеск.

Я сидела на кухне, сжимая в руках холодную чашку с чаем, и смотрела на часы. Половина двенадцатого. Илья не брал трубку уже часа три.

Обычно он всегда перезванивает или хотя бы скидывает шаблонную смску «занят», а тут – глухо.

Вообще последний месяц Илья был сам не свой. Знаете это состояние, когда человек вроде бы здесь, рядом, но на самом деле он где-то далеко и ему там очень страшно?

Вот он был таким. Дерганный, резкий. Вздрагивал от каждого звонка, телефон из рук не выпускал даже в туалете.

Когда в двери наконец повернулся ключ, я даже не сразу встала – просто выдохнула, чувствуя, как отпускает напряжение в плечах. Главное, что вернулся домой.

Я вышла в коридор. Илья долго возился с обувью, наклонившись слишком низко, будто шнурки были самой сложной задачей в его жизни, хотя обычно он влетал ураганом:

«Лара, я такую тему нашел, сейчас поднимем лям!».

А тут... Он стянул кроссовки и выпрямился. Боже, краше в гроб кладут. Лицо серое, глаза бегают, под ними черные круги. Но при этом одет с иголочки – пиджак, сорочка дорогая. Имидж для него – всё.

— Ты чего так поздно? Я с ума чуть не сошла, — спросила я, стараясь не звучать как пила, а сама потянулась руками к его плечам, чтобы помочь ему раздеться. — Телефон почему выключен?

Он дернулся от моего прикосновения, словно его током ударило. Потом спохватился, криво улыбнулся – жалко так, виновато.

— Прости, Ларчонок. Замотался. Инвесторы эти... мозг чайной ложечкой ели. И батарейка села, а зарядку в офисе забыл... — начал оправдываться он.

— Ты ужинал? — спросила я, вешая его вещи. — Котлеты остались, могу разогреть.

— Не, не хочу. Я в душ сразу, ладно?

Он уже направился в ванную, когда в кармане повешенного пиджака зажужжал телефон.

Илья замер на полпути. Обернулся так резко, что чуть не споткнулся. На лице у него на секунду промелькнуло что-то такое, от чего мне стало не по себе – чистый, неприкрытый страх.

Он подлетел к вешалке, выхватил телефон и сбросил вызов, даже не глядя на экран.

— Кто это? — я старалась говорить спокойно, хотя внутри все сжалось. — Ночь на дворе.

— Да спам, — буркнул он, пряча телефон в карман брюк. — Банки со своими кредитами, достали уже названивать.

Кажется мне ввали. Спамеры не звонят в двенадцать ночи, и от них не шарахаются, как от огня. Но давить я не стала — видела, что он и так на взводе.

Илья скрылся в ванной, щелкнула задвижка. Почти сразу он включил воду, причем на полную мощь, так что шум стоял даже в коридоре. Я постояла минуту, глядя на закрытую дверь, и хотела уже уйти на кухню, но услышала голос.

Он с кем-то разговаривал.

Я подошла ближе. Шум воды мешал, но Илья говорил достаточно громко, торопливо, почти срываясь на крик, который тут же давил в себе.

— ...я сказал, что завтра! Слышишь? Завтра все будет. Не надо сюда...

Я затаила дыхание. Он явно не с банком разговаривал.

— ...оставь ее в покое, она не в курсе! Я сам приеду. Дай мне сутки, просто сутки...

«Она не в курсе». Это он про меня?

Я тихонько отошла от двери и вернулась на кухню, чтобы он не застучал меня в коридоре. Села на свое место, уставилась в темное окно. Руки мелко тряслись, и я сцепила их в замок.

Кому он должен? Во что он опять влез со своими «темка-

ми»? И главное — почему он сказал «оставь ее в покое»?

— Господи, дорогой, — прошептала я в пустоту. — Во что ты вляпался?

Знаете, есть такие мужчины — вечные двигатели. Только двигают они не прогресс, а какие-то мутные схемы. Илья был именно таким. «Темщик».

То он загонял какие-то китайские вейпы, то вкладывался в крипту, которая через неделю лопалась, то перегонял тачки.

Ну, крутится и крутится. Вроде даже деньги домой приносит. Иногда густо, иногда пусто, но зато «сам себе хозяин», как он любил повторять.

Только в этот раз его «схема», похоже, дала трещину размером с Большой каньон.

Минут через десять Илья вышел. Мокрые волосы торчали в разные стороны, футболка липла к телу. Он прошел на кухню, не включая свет, подошел к окну и осторожно, буквально на сантиметр, отодвинул штору, выглядывая во двор. Стоял так с минуту, вглядываясь в темноту, потом резко задернул ткань.

— Илюш, — позвала я тихо. — У нас проблемы?

Он вздрогнул, обернулся ко мне и попытался улыбнуться, но вышло криво. Подошел, обнял, уткнулся носом мне в макушку. Он был горячий, как печка, и его колотило.

— Все нормально, Лар, — прошептал он куда-то мне в волосы. — Разрулю. Просто сложный период, но я справлюсь.

Ты же веришь мне?

— Верю, — соврала я, потому что сейчас ему это было нужно.

Он прижался ко мне еще сильнее, до боли в ребрах. Уткнулся носом в шею, обдавая горячим дыханием.

— Я люблю тебя, Ларка. Очень люблю, слышишь? — зашептал он лихорадочно, будто боялся, что не успеет это сказать. — Ты у меня самая лучшая. Единственная. Я ради тебя всё...

Он повторял это снова и снова, как заклинание, зарываясь лицом в мои волосы. А я стояла, гладила его по вздрагивающей спине и чувствовала, как ледяной страх заползает под кожу.

Потому что так не признаются в любви. Так просят прощения.

Глава 2. Оценка

Проснулась я от того, что замерзла.

Повернулась на другой бок, чтобы прижаться к Илье, но рука упала на пустую простыню. Я открыла глаза. В спальне никого. Шторы задернуты, темно, на часах – семь утра.

Это было странно. Нет, это было совсем ненормально. Илья – сова до мозга костей, для него подъем раньше десяти утра приравнивался к подвигу или пытке.

Да его обычно пушкой не разбудишь! Он будет спать до обеда, если есть хоть малейшая возможность, а потом еще час бродить по квартире с чашкой кофе, тереть лицо и ныть, что мир слишком жесток и несправедлив к нему.

А тут... Постель с его стороны была холодной. Значит, он встал давно.

— Илюш? — позвала я в пустоту.

Тишина.

Я встала, прошла по квартире. Заглянула в ванную, на кухню. Никого. Ни записки, ни сообщения. Его зубная щетка сухая. Значит, даже не умывался? Или ушел так давно, что она уже высохла?

Я схватила телефон. Гудки не пошли, сразу сброс.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Набрала еще раз, потом еще. Результат тот же.

В груди начало печь. Ладно, Лариса, спокойно. Может, срочная встреча? У "темщиков" свои графики.

«Успокойся, — сказала я сама себе. — Мало ли. Срочная встреча или телефон забыл зарядить. Он же вчера говорил, что проблемы, вот и побежал решать».

Но червячок сомнения уже грыз изнутри. Илья никогда не уходил, не предупредив. Никогда.

На работе был ад. Отчетный период, все бегают, орут, требуют цифры. Я сидела перед монитором, тупо глядя в экспорт-таблицу, и не понимала, что я там вижу. Цифры прыгали перед глазами. НДС, прибыль, акты сверки – все сливалось в одно серое пятно.

— Лариса Андреевна, вы этот платеж согласовали? — подлетела ко мне менеджер по продажам.

— А? Да, сейчас... — я даже не поняла, о чем она.

Я каждые пять минут обновляла мессенджер. Мои сообщения висели непрочитанными.

К обеду меня начало потряхивать. Я уже не думала про измену или его «схемы». Я думала про морги и больницы. Мозг, как назло, подкидывал самые страшные картинки.

Если его побили? Если он где-то лежит и не может позвонить?

Еле досидела до пяти и уехала домой. Всю дорогу до дома я молилась. Просто по-детски уговаривала мироздание: пусть он будет там. Пусть я сейчас открою дверь, а он сидит на диване, играет в приставку, живой-здоровый, и ржет надо

мною:

«Ларка, ты чего, я просто телефон потерял!».

Я поклялась себе: если он там, я даже орать не буду. Просто обниму его и разревусь.

Я вышла из такси и почти побежала к подъезду. Руки тряслись так, что я не сразу попала ключом в замочную скважину.

Квартира встретила тишиной. Такой плотной, что в ушах зазвенело. Тапочки Ильи стояли в прихожей ровно так же, как утром. Его не было.

Я прошла в гостиную, села на диван, даже свет не включила. Просто сидела в сумерках и сжимала бесполезный телефон. Что делать? Звонить в полицию? Там скажут ждать трое суток. Звонить его друзьям? А кому именно и что спросить? Я чувствовала себя маленькой и совершенно беспомощной.

Вдруг звонок в дверь. Я аж подпрыгнула.

Илья! Точно он. Ключи потерял или забыл, балбес. Я побежала открывать, путаясь в ногах. Распахнула дверь настежь, готовая заплакать от облегчения и повиснуть у него на шее.

Там переминался с ноги на ногу какой-то дедушка. Совершенно обычный, даже нелепый: в сером потертом пальто, в старомодных очках на веревочке, с пухлым кожаным портфелем в руках. Похож на старого учителя или библиотекаря.

— Илья Сергеевич дома? — спросил он скрипучим голосом, вытягивая шею и пытаясь заглянуть мне за плечо в

квартиру.

Я замерла, все еще держась за ручку двери. Разочарование было таким сильным, что дышать было больно.

— Его нет, — глухо ответила я.

Дедушка перевел взгляд на меня, поправил очки.

— А вы кем ему приходитесь? — деловито осведомился он.

— Жена... — растерянно пробормотала я, совершенно не понимая, что происходит. — А что случ...

— Это мне не помешает, — перебил он меня совершенно будничным тоном.

И вдруг уверенно сделал шаг вперед, пытаясь протиснуться мимо меня в коридор, как к себе домой.

Я опешила от такой наглости. Этот "божий одуванчик" пер как танк. Инстинктивно я выставила руку и преградила ему путь, ухватившись за дверной косяк.

— Подождите! — воскликнула я, не пуская его. — Вы вообще кто? Куда вы идете?

Он остановился, тяжело вздохнул, будто я была неразумным ребенком, который мешает взрослым работать. Поставил свой тяжелый портфель на пол и спокойно, глядя мне прямо в глаза, сообщил:

— Я оценщик.

Визуализация героев

Дорогие читатели, я очень рада видеть вас в своей новой книге. Обещаю вам очень эмоциональную, увлекательную и горячую историю.

А пока позвольте познакомить вас с нашими героями:

Ветрова Лариса Андреевна, 30 лет, бухгалтер

И ее муж, Ветров Илья Сергеевич, 29 лет, официально безработный, но постоянно в "теме"

Очень прошу вас о поддержки книги, буду очень благодарна вам за лайк и теплый комментарий. И не забывайте подписываться на мою страничку автора, чтобы не пропускать новинки!

Глава 3. Подпись

— Оценщик чего? — переспросила я, все еще не убирая руку с косяка.

Дедушка вздохнул с таким видом, будто я просила его объяснить таблицу умножения.

— Квартиры, милочка, квартиры. Эта жилплощадь – залоговое имущество. Сроки вышли, клиент на связь не выходит, запущена процедура взыскания. Мне нужно составить акт состояния объекта.

Слова падали в тишину подъезда тяжелыми камнями. «Взыскание». «Сроки вышли». «Объект».

— Вы бредите, — мой голос окреп, налился злостью. — Какое еще залоговое имущество? Уходите, или я вызову полицию.

Я попыталась захлопнуть дверь перед его носом, но старичок оказался на удивление проворным. Он выставил вперед свой портфель, не давая закрыться, и быстро, привычным движением выудил из недр папки какой-то документ в прозрачном файле.

— Полицию вызывать не советую, — сухо произнес он, тыча бумагой мне в лицо. — У меня договор. Вот, ознакомьтесь. А будете препятствовать осмотру – это нарушение пункта 7.4, штрафные санкции вырастут еще на десять процентов. Вам оно надо?

Я схватила файл. Руки тряслись, строчки прыгали перед глазами, но суть я уловила сразу.

ДОГОВОР ЗАЙМА № 24-К/11
Заемщик: *Ветров Илья Сергеевич.*
Сумма займа: *15 000 000 рублей.*
Залог: *Квартира по адресу...*

Пятнадцать миллионов. У меня потемнело в глазах. Я прислонилась спиной к стене, сползая по обоям. Пятнадцать миллионов?! Это же полная рыночная стоимость нашей квартиры.

— Этого не может быть, — прошептала я, чувствуя, как немеют губы. — Квартира куплена в браке. Он не мог ее заложить без моего согласия. Я ничего не подписывала. Это липа.

Старичок поправил очки и посмотрел на меня с жалостью. Не с сочувствием, а именно с брезгливой жалостью, с какой смотрят на раздавленного голубя.

— Переверните страницу, — посоветовал он.

Я послушно перевернула лист. В самом низу, под размашистой подписью Ильи, стояла еще одна. Аккуратная, с завитушкой на конце. *Ветрова Л.А.*

Моя подпись. Точнее, очень качественная подделка. Я видела, что хвостик у буквы «а» чуть длиннее, чем я пишу обычно... А рядом – синяя печать нотариуса.

— Это не я, — сказала я, поднимая на деда остекленевший взгляд. — Я этого не подписывала. Это подделка. Кто-то подделал...

— Это вы в суде будете рассказывать, — перебил он, мягко отодвигая меня плечом и протискиваясь в коридор. — Мое дело маленькое. Зафиксировать наличие ремонта, перепланировок, сантехники. А кто там за кого расписывался — это вы с мужем разбирайтесь. Кстати, где он? Прячется?

Я не ответила. Я стояла в прихожей, сжимая в руках копию договора, и чувствовала, как рушится просто все. Этого не может быть. Просто не может. Илья — авантюрист, он вечно влипает в истории, но он не преступник. Он не мог так поступить со мной.

Это какая-то чудовищная ошибка. Или розыгрыш. Чья-то злая, идиотская шутка. Сейчас этот старик снимет очки и рассмеется. Или выяснится, что это однофамилец. Или что документы — просто бумажки для какого-то квеста.

Мозг отказывался принимать реальность. Мой муж, который вчера шептал мне слова любви, не мог подделать мою подпись и продать нашу жизнь за пятнадцать миллионов. Это бред.

А дедушка уже деловито ходил по квартире. Щелк. Красный луч пробежался по потолку в гостиной.

— Потолки натяжные... Ламинат тридцать второго класса, потертый... — бормотал он себе под нос, делая пометки в блокноте. — Кондиционер есть... Окна пластиковые...

Он вел себя как хозяин. Открывал двери шкафов, заглядывал в ванную, даже постучал по плитке костяшками пальцев, проверяя, нет ли пустот. Я смотрела на него и не могла

пошевелиться. Меня будто парализовало. Это был сюрреализм. Какой-то посторонний мужик в грязных ботинках ходит по моей спальне, оценивает мою кровать, на которой я еще утром спала, а я стою и молчу.

— Кухня встроенная? — крикнул он из кухни. — Технику оставляете или забираете? В договоре прописано «с неотделимыми улучшениями».

— Убирайтесь, — просипела я.

Он выглянул в коридор, жуя дужку очков.

— Что, простите?

— Убирайтесь! — заорала я так, что горло обожгло. — Пошли вон отсюда! Это моя квартира! Я вызову полицию, я напишу заявление о мошенничестве! Вон!

Я схватила его портфель с пола и швырнула в сторону двери. Он тяжело ударился о косяк, папка раскрылась, бумаги посыпались на коврик.

Дедушка изменился в лице. Благодушие слетело, глазки за стеклами очков стали колючими, злыми.

— Истерить не надо, дамочка, — процедил он, быстро собирая бумаги. — Вы сейчас в очень плохом положении, чтобы голос повышать. Ваш муж взял деньги под пять процентов в месяц. Первый платеж просрочен на десять дней. Штрафы капают каждый час.

Он выпрямился, прижимая портфель к груди.

— Мой заказчик — человек серьезный. Он не любит, когда его кидают. Акт я составил. Завтра документы уйдут в юри-

дический отдел, и начнется процедура отчуждения.

Он потянул за ручку двери, но перед тем как выйти, обернулся и бросил на тумбочку маленькую белую визитку.

— Если муж объявится – передайте, что он идиот. А если не объявится... — он криво ухмыльнулся. — То советую вам самой позвонить по этому номеру. Может, договоритесь. Квартира-то хорошая, жалко будет за бесценок отдавать.

Дверь захлопнулась.

Я осталась одна. Тишина вернулась, но теперь она была другой. Зловещей. В ней слышалось тиканье часов на кухне – тик-так, тик-так. Время пошло.

Я медленно сползла по стене на пол, прямо на грязный коврик, где только что топтался оценщик.

Илья исчез, квартира заложена, долг пятнадцать миллионов.

Я сидела, обхватив колени руками, и меня колотило. Визитка белела на тумбочке, как приговор, но я не могла заставить себя взять ее. Я не хотела верить.

— Нет, — прошептала я. — Нет, нет, нет...

Этого не может быть. Илюша... Мы же семья. Он же только вчера обнимал меня, клялся в любви. Он не мог все это разрушить. Это какая-то ошибка. Чудовищная, идиотская ошибка!

Слезы, которых я не чувствовала весь день, вдруг хлынули потоком. Я уткнулась лицом в колени и завывала, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Илюшенька... — шептала я в пустоту, глотая соленую горечь. — Миленький, пожалуйста... Приди. Прямо сейчас. Открой эту чертову дверь. Скажи, что это розыгрыш. Скажи, что этот дед — актер. Что ты сейчас зайдешь с цветами и будешь смеяться надо мной...

Я подняла голову и уставилась на дверь заплаканными глазами. Я гипнотизировала замок. Ну же. Повернись, щелкни. Господи, пусть он вернется. Я все прощу. Кредиты, долги, вранье — плевать. Мы все решим, мы выплатим. Только пусть это будет неправдой. Пусть он зайдет и обнимет меня.

— Пожалуйста... — простонала я.

И тут тишину разорвал пронзительный писк домофона.

Глава 4. Абонент в сети

Писк домофона не прекращался. Он сверлил мозг, ввинчиваясь в виски острой, пульсирующей болью. В пустой квартире этот звук казался оглушительным, как сирена воздушной тревоги.

Я стояла посреди коридора, боясь пошевелиться, но надежда – глупая, иррациональная, живучая тварь – уже поднимала голову. Я вытерла мокрое от слез лицо рукавом и бросилась к трубке. Пальцы дрожали так, что я не сразу попала по кнопке ответа. Я даже не спросила «кто там». Я была уверена – это Илья.

Ну конечно, это он! Кто же еще? Он стоит там, внизу, продрогший и виноватый, и сейчас будет бормотать свои бесконечные извинения. Сейчас я услышу его голос, и этот липкий, душный морок с оценщиком, договорами и многомиллионными долгами рассеется, как страшный сон.

— Илья? — выдохнула я в динамик, прижимаясь к пластику щекой, словно это могло приблизить меня к мужу. — Илюша, это ты?

Тишина. Вместо родного голоса – только шорох статических помех и далекий, равнодушный гул улицы. Ни дыхания, ни привычного «Ларчонок, открывай».

— Илья?! — я почти кричала, чувствуя, как надежда сменяется ледяным ужасом, который медленно ползет от желуд-

ка к горлу.

— Лариса Анатольевна? — голос был мужской, незнакомый. Низкий, спокойный, даже скупающий. В нем не было ни угрозы, ни сочувствия — только холодная профессиональная вежливость. — Это служба безопасности «Гарант».

Сердце пропустило удар, а потом забилося где-то в горле, мешая дышать.

— Что вам нужно? — спросила я, чувствуя, как немеют кончики пальцев, словно кровь мгновенно отлила от рук.

— Просто предупреждаем, — лениво продолжал голос. — Не пытайтесь вывозить технику, мебель или личные вещи, имеющие материальную ценность. У вашего подъезда стоит наша машина. Если увидим, что вы выносите что-то крупнее дамской сумки — будем расценивать это как попытку хищения залогового имущества. А это, сами понимаете, уже сто пятьдесят девятая статья, мошенничество. Спокойной ночи, Лариса Анатольевна.

Я медленно, как во сне, опустила трубку. Она стукнулась о пластиковый корпус домофона и повисла на проводе.

Они следят.

Они не завтра придут. Они уже здесь, прямо сейчас. Стоят внизу и смотрят на мои окна, как волки на загон с овцами.

Я метнулась в гостиную, к окну. Ноги спотыкались о ковер, я чуть не упала. Подкралась к подоконнику и осторожно, сбоку, чтобы меня не было видно с улицы, отодвинула плотную штору буквально на сантиметр.

Во дворе, прямо напротив нашего подъезда, на месте, где обычно парковался сосед, стоял огромный черный внедорожник. Двигатель заглушен, фары погашены, он сливался с темнотой. Но внутри, в глубине салона, тлел крошечный оранжевый огонек сигареты. Кто-то сидел там и терпеливо ждал.

Меня затрясло. Зубы выбивали дробь, колени подгибались. Это не шутка. Дед-оценщик не врал. Тот документ — настоящий. Это не розыгрыш, не ошибка банка, не дурацкий квест. Мой дом окружен. Я в ловушке.

Я обессиленно опустила на пол прямо там, у окна, прижимаясь спиной к батарее. В голове была звонкая пустота, в которой билась только одна мысль.

Илья.

Мне нужен Илья. Он должен объяснить. Он должен сейчас же взять чертову трубку и сказать, что это какое-то чудовищное недоразумение. Что он просто занял денег у серьезных людей на раскрутку бизнеса, что он все контролирует, что сейчас придет и прогонит этот черный джип.

Он не мог оставить меня вот так. Заложницей в собственной квартире, один на один с бандитами. Не мог.

Мы же семья. Он же любит меня.

Я схватила телефон. Экран расплывался перед глазами. Контакт «Любимый».

Гудок... Я замерла, боясь дышать. Гудок! Впервые за этот бесконечный, адский день я услышала не «абонент недо-

ступен», а длинный, тягучий, живой гудок вызова. Телефон включен! Он появился в сети!

— Господи, спасибо, — прошептала я, вцепляясь в телефон так, будто это моя последняя надежда на спасение. Слезы брызнули из глаз. — Ну же, возьми... Возьми, родной... Пожалуйста...

Второй гудок, третий, четвертый. Каждый звук тянулся вечность. На пятом вызов приняли.

— Да? — раздался голос.

Я открыла рот, чтобы закричать, заплакать, вывалить на него все: животный страх, визит оценщика, угрозы охраны, черный джип под окнами... Но слова комом застряли в горле, превратившись в сдавленный хрип.

Потому что голос был женский.

Ленивый, чуть хриловатый, сытый голос взрослой, уверенной в себе женщины.

Я тупо смотрела на экран телефона, не веря своим ушам. Имя контакта: «Любимый». Номер Ильи. Ошибки быть не может. Я звоню мужу.

— Алло? — повторила женщина с ноткой легкого раздражения, будто я отвлекла ее от чего-то важного. — Я слушаю. Кто это?

— Где Илья? — мой собственный голос показался мне чужим. — Дайте ему трубку.

На том конце повисла пауза. И в этой паузе я слышала звуки, которых не могло быть в моем мире. Легкая джазо-

вая музыка. Мелодичный звон столовых приборов о фарфор. Далекий смех. И... шум прибора? Нет, бред. Откуда в Москве, в грязном октябре, шум прибора?

— Илюша сейчас не может говорить, — наконец ответила женщина. Тон у нее изменился. Стал насмешливым, тягучим, как густой ликер. — Он в душе. Устал с дороги, бедняжка. Перелет был долгим, да и джетлаг сказывается.

— Какой перелет? — я чувствовала, как реальность, и так державшаяся на честном слове, окончательно рассыпается в пыль. — Вы кто такая? Почему у вас его телефон?

Женщина хмыкнула. В этом звуке было столько снисхождения, что меня обожгло стыдом.

— Ну, скажем так... Я та, кто оплатил этот телефон. И этот роуминг. И перелет бизнес-классом. И этот отель. В отличие от тебя, деточка, я умею ценить мужчин.

У меня перехватило дыхание, будто меня ударили под дых. — Вы... любовница?

— Фи, как грубо и пошло, — фыркнула она. — Я его партнер. Инвестор, если хочешь. Муза. Илья – невероятно талантливый мальчик, ему просто не хватало масштаба. И воздуха. С тобой он задыхался, считал копейки, экономил на мечте. А со мной он будет жить так, как заслуживает. Я дам ему всё, чего ты дать не могла.

— Он заложил нашу квартиру! — заорала я, забыв про джип, про соседей, про все на свете. — Вы понимаете?! Здесь бандиты! У нас долг пятнадцать миллионов! Меня ка-

раулят у подъезда!

— Ну, это плата за вход, — совершенно спокойно парировала она, даже не изменившись в голосе. — В новую жизнь с пустыми руками не входят, милая. Считай это отступными. Квартира — тебе, а Илья — мне. По-моему, честный обмен. Ты же сильная, ты справишься.

— Вы больная? — прошептала я, чувствуя, как по щекам текут горячие слезы. — Какая квартира мне? Ее заберут завтра! Меня вышвырнут на улицу с одним чемоданом!

— Лариса, послушай добрый совет, — голос женщины стал жестким, стальным, лишенным всякой игривости. — Перестань истерить. Ты молодая, здоровая баба. Бухгалтер, кажется? Вот и включи голову, посчитай свои риски. Илья не вернется. Мы в другой стране, у океана, и достать нас отсюда твоим кредиторам будет... весьма проблематично. А ты — там, в Москве. Так что разбирайся сама.

— Дай ему трубку, — прошипела я, вкладывая в эти слова всю ненависть, на которую была способна. — Немедленно дай ему трубку! Я хочу слышать, как он это скажет! Пусть он сам скажет мне, что предал меня!

— Он не хочет с тобой говорить, — отрезала она. — Он стоит рядом, завернутый в полотенце, и пьет вино. И он просил передать, чтобы ты не искала его. Не унижайся. И... спасибо за развод. Он будет быстрым, учитывая обстоятельства. Документы пришлют почтой.

В трубке что-то шелкнуло.

— Прощай, Лариса. Ну и удачи, она тебе пригодится.
Короткие гудки.

Глава 5. Распродажа

Короткие гудки давно закончились, экран погас, но я продолжала сидеть на полу, прижимая телефон к уху, словно надеялась услышать там хоть что-то еще.

В густой темноте кухни единственным источником света оставался индикатор на микроволновке. Ядовито-зеленые цифры мигали, показывая четыре нуля. Полночь. Время обнунилось, как и вся моя жизнь, разделившись на «до» и «после» этого сумасшедшего дня.

Странно, но слез больше не было. Истерика, бушевавшая внутри всего минуту назад, внезапно схлынула, оставив после себя выжженную пустыню. В груди образовалась звенящая, ледяная пустота, какая бывает в давно заброшенном, выстуженном доме с выбитыми окнами, где гуляет только ветер и скрипят разохшиеся половицы.

Я закрыла глаза и устало прислонилась затылком к холодной стене, чувствуя, как бетон вытягивает из меня остатки тепла, но мне было все равно. Холод сейчас казался единственным честным чувством.

В голове медленно, но неотвратно, как тяжелый ледокол, пробивала себе путь мысль о том, что прежней жизни больше нет. Илья не просто ушел в порыве трусости. Все это – побег, долги, продажа квартиры – было не спонтанным решением загнанного в угол человека.

Это была тщательно спланированная операция, которую он готовил месяцами, живя со мной под одной крышей, спал в моей постели и улыбался мне за завтраком.

Картинки последних трех месяцев, все те мелкие странности, нестыковки и оговорки, которые я старательно задвигала на самые дальние задворки сознания, боясь показаться подозрительной или истеричной женой, теперь всплывали одна за другой. Они были яркими, беспощадными и кристально очевидными.

Раньше они казались мне разрозненным мусором, случайными деталями, не стоящими внимания, но теперь, в темноте кухни, они со щелчком складывались в уродливое полотно его предательства. Я смотрела на это полотно и ужасалась собственной слепоте.

Вспомнился тот вечер почти два месяца назад. Илья пришел домой сияющий, возбужденный, пахнувший морозом и... кожей. На нем была новая куртка. Шикарная, мягчайшей кожи, цвета горького шоколада. Я тогда ахнула и провела рукой по рукаву — кожа была нежной, как масло.

— Илюш, это же безумные деньги! — испугалась я тогда. — Мы же экономим и копим на отпуск!

— Ларка, ты не поверишь! — он хохотал, крутясь перед зеркалом. — Ликвидация склада! Какой-то бутик закрывался, они скидывали всё за десять процентов. Я урвал последнюю! Представляешь, повезло?

И я поверила. Я, взрослый человек, профессиональный

бухгалтер, привыкший искать подвох в каждой накладной и проверять каждую цифру в отчете, поверила в сказку про аттракцион невиданной щедрости.

Я поцеловала его в колючую с мороза щеку, похвалила, назвала добытчиком и везунчиком. Я искренне гордилась тем, как ловко он умеет находить возможности, и радовалась, что у мужа наконец-то появилась достойная вещь.

Теперь я понимала: эту куртку купила она. Та самая «инвесторша», которая умеет ценить мужчин. Видимо, ей не нравилось ходить рядом с парнем в пуховике из масс-маркета. Она его придела, как любимую болонку. А он пришел ко мне и врал в глаза.

А история с телефоном? Господи, какой же душой я была.

Месяц назад он выложил на кухонный стол новенький айфон последней модели. Титановый корпус, три камеры – он стоил как три мои зарплаты.

— Откуда?!

— Розыгрыш в соцсетях! — он сиял, как начищенный пятак. — Подписался на какого-то техноблогера, репостнул, и бац – выиграл! Прикинь, Лар? Никогда не везло, а тут поперло!

Я визжала от восторга, прыгала вокруг него, как маленькая девчонка. Мы пили шампанское, отмечая его удачу. Я вертела телефон в руках, восхищалась камерой...

А он сидел напротив, лениво потягивал вино, улыбался своей обаятельной, фирменной улыбкой и, наверное, про се-

бя потешался над моей наивностью, думая:

«Какая же ты наивная идиотка, Лариса».

Вспомнила, как он стал прятать этот самый телефон экраном вниз. Как поставил пароль, хотя раньше у нас не было секретов.

— Да там рабочие чаты, конфиденциальная инфа, — отмахивался он. — Инвесторы требуют безопасности.

Теперь то понятно, что это были за «инвесторы».

Ноги затекли от долгого сидения на холодном полу. Я с трудом поднялась, чувствуя себя столетней старухой, у которой болит каждый сустав, и побрела в спальню. Резким движением, вкладывая в него всю накопившуюся злость, я распахнула створки шкафа.

Его вещи висели ровными рядами. Но теперь я видела то, чего не хотела видеть раньше.

Вот тот самый кашемировый джемпер благородного бежевого оттенка, про который он сказал, что друг отдал, так как не подошел размер. Ага, конечно. Брендовый итальянский джемпер за сорок тысяч рублей просто так отдали, потому что лень было оформить возврат.

Вот замшевые лоферы, якобы найденные на Авито в состоянии «почти новые» за копейки. Или шелковая рубашка, которую он «купил на распродаже с браком», хотя никакого брака я так и не нашла.

Я проводила рукой по рукавам, касалась дорогой ткани и чувствовала, как к горлу подступает тошнота. Я жила с

незнакомцем. Я спала с ним в одной постели, готовила ему завтраки, гладила эти самые рубашки, отпаривала этот кашемир, жалела его, когда он приходил домой «уставший после тяжелых переговоров».

А он приходил от нее.

Сытый, довольный, с подарками, купленными на деньги любовницы. А потом он приходил ко мне, в нашу ипотечную квартиру, и, наверное, сравнивал. Там – дорогой парфюм, устрицы, джаз, разговоры о высоком и беззаботная жизнь. Здесь – мои котлеты, отчеты по бухгалтерии и вечное напоминание о том, что надо отложить на страховку машины и оплату коммуналки.

Видимо я просто стала для него обузой. Напоминанием о том, что он – неудачник, который живет в спальном районе.

И он решил эту проблему гениально просто. Он предал меня.

Не просто ушел к другой, а цинично переложил на мои плечи расплату за свою новую жизнь. Он заложил квартиру, в которую я вложила всю свою душу, все свои премии и сбережения, присвоил пятнадцать миллионов – сумму, которой как раз хватит на старт красивой жизни альфонса – и улетел.

А меня оставил здесь тонуть в его долгах. Бросил, как ненужный балласт, прикрывшись мной от кредиторов, словно живым щитом, чтобы выиграть время и уйти от погони.

«Разбирайся сама».

Я подошла к большому ростовому зеркалу на дверце шка-

фа. Из полумрака на меня смотрела женщина с размазанной по щекам тушью, воспаленными красными глазами и землисто-серым лицом.

Ей было всего тридцать лет, но выглядела она сейчас на все пятьдесят, раздавленная катком предательства. У этой женщины больше не было мужа. У нее не было дома – ведь юридически эта квартира уже, скорее всего, принадлежала Громову и она пока не представляла своего будущего.

Я долго, не моргая, смотрела в свои собственные глаза и вдруг почувствовала, как где-то в самой глубине, под толстыми слоями боли, страха и шока, начинает подниматься злость. Это была не истеричная, горячая обида брошенной жены, которая хочет вернуть мужа, а холодная, тяжелая, расчетливая ярость профессионала, которого попытались кинуть и списать со счетов.

— Я придумаю, Илья, — прошептала я своему отражению. — Я обязательно что-нибудь придумаю и найду решение. А потом отомщу тебе.

Глава 6. Невидимка

Я проснулась рывком, будто на меня вылили стакан ледяной воды, и первым делом метнулась к окну, прячась за шторой. Черный джип никуда не делся. Он стоял на том же месте.

Я мерила шагами кухню – три шага до холодильника, поворот, три шага до окна. В руке нагрелась и стала влажной визитка с золотым тиснением. Что делать? Ехать наобум? Меня могут просто вышвырнуть охрана. Или того хуже – эти люди в джипе перехватят меня у подъезда.

Но оставаться здесь, в четырех стенах, где каждый шорох лифта заставлял задерживать дыхание и внимательно прислушиваться, было физически невыносимо. Воздух в квартире стал густым, спертым. Я задыхалась.

Надо позвонить. Нужно хотя бы попытаться сохранить остатки цивилизованности. Я же не преступница в бегах, в конце то до концов.

Пальцы скользили по экрану, пока я набирала номер. Гудки тянулись бесконечно долго, каждый звук бил по натянутым нервам.

— Приемная Громова, — женский голос был стерильным, лишенным интонаций.

— Здравствуйте, — я сглотнула вязкую слюну. — Мне нужно к Руслану Андреевичу. Это касается... долга Ветрова.

Стук клавиш на том конце не прекращался слишком долго.

— У Руслана Андреевича на сегодня всё расписано. Ближайшее окно – завтра в десять утра. Записывать?

«Завтра».

Я посмотрела на часы. Девять утра. До завтрашнего приёма – двадцать пять часов. Двадцать пять часов сидеть в запертой квартире, вздрагивать от звонков в дверь, не включать свет и ждать, когда за мной придут. Я просто не выдержу. Моя психика лопнет, как перетянутая струна.

— Да, — мой голос звучал чужим, деревянным. — Записывайте. Ветрова.

Я нажала отбой и опустила телефон на стол. Завтра... Нет, невозможно. Страх, который до этого холодил затылок, вдруг сменился горячей волной тошнотворной паники. Если я останусь здесь еще на час, я просто сойду с ума. Уж лучше пусть меня убьют или выгонят, но я должна что-то делать.

Я вскочила со стула так резко, что он скрипнул по полу.

— Я поеду сейчас, — сказала я в тишину. — Плевать на запись.

Сборы напоминали одевание покойника. Руки не слушались, пуговицы на блузке казались скользкими льдинками. Строгая юбка, чтобы казаться собраннее. Пиджак, который я не надевала года два. Он жал в плечах, сковывал движения, но это даже помогало – не давало рассыпаться на части.

Волосы я стянула в тугий узел на затылке, так туго, что за-

болела кожа головы. Это отрезвляло. Тон поплотнее, чтобы замазать серые тени под глазами. В зеркале отразилась женщина с бескровными губами и взглядом загнанного зверька.

«Ну и пусть, — подумала я. — Может хоть жалость вызову у них и меня не выгонят на улицу сегодня же».

Я вышла из подъезда, стараясь дышать ровно. Спину жгло. Мне казалось, что из тонированных окон джипа на меня смотрят дула автоматов. Я заставила себя не ускорять шаг, не бежать, хотя ноги сами рвались в пляс от ужаса. Дошла до такси, рухнула на заднее сиденье и только тогда выдохнула.

Город за окном был серым, мокрым и равнодушным. Люди спешили по делам, пили кофе, смеялись. У них была нормальная жизнь. А моя жизнь уместилась в тонкую папку с документами, которую я прижимала к животу.

Офис ФК «Гарант» подавлял. Огромная башня из стекла и бетона, упирающаяся верхушкой в низкие тучи. Рядом с такими зданиями чувствуешь себя насекомым.

Я вошла в холл. Кондиционеры гудели, пахло дорогой кожей и, как и в любом офисном здании, кофе. Охрана на входе не просто проверяла пропуска — они сканировали людей взглядами.

Я подошла к стойке, чувствуя, как по спине, под тесным пиджаком, течет холодная капля пота.

— Я к Громову.

Охранник, широкоплечий мужик с пустыми глазами, даже не поднял головы от монитора.

— Пропуск заказан?

— Я звонила... — начала я, и голос предательски дрогнул.

— Фамилия Ветрова.

Он лениво пощелкал мышкой.

— Ветрова на завтра. Сегодня вас нет.

— Мне нужно срочно. Пожалуйста, наберите секретарю...

— Девушка, — он наконец посмотрел на меня. Взгляд был скучающим и тяжелым. — Порядок для всех один. Приходите завтра, не мешайте работать.

Он отвернулся, всем видом показывая, что разговор окончен и занялся другими делами.

Кто-то толкнул меня в плечо – курьер с огромной коробкой лез без очереди. Я отступила на шаг. Уйти? Вернуться в свою бетонную коробку и ждать палачей? Отчаяние накрыло меня с головой. Я не могла вернуться. Физически не могла.

В этот момент стеклянные двери разъехались, и в холл ввалилась группа мужчин. Дорогие пальто, громкие голоса, увесистые кожаные портфели в руках. Охранники тут же подобрались, вытянулись в струнку.

— Сергей Викторович! Доброе утро! Проходите!

Один из охранников заблокировал турникет в открытом положении, пропуская делегацию. Толпа хлынула вперед, увлекая за собой и курьера, и каких-то клерков, и меня.

Я не думала. Тело сработало само, на чистом адреналине. Я просто шагнула в этот поток дорогих костюмов. Сделала лицо кирпичом, втянула голову в плечи и пошла следом за

чьей-то широкой спиной в кашемировом пальто.

Внутри все сжалось в ожидании крика: «Стоять! Куда пошла?!». Но крика не было. Охранник скользнул по мне равнодушным взглядом и отвернулся. Для него я была пустым местом. Очередной безликой офисной единицей, серой мышью с папкой, которая семенит за большими боссами.

Я проскочила. Сердце колотилось так, что отдавалось болью в ребрах. Я нырнула в первый же открывшийся лифт, забилась в самый дальний угол и уставилась в пол, боясь поднять глаза. Лифт бесшумно понес нас вверх. Люди выходили на этажах, пока я не осталась одна. Я нажала кнопку последнего, двадцать пятого этажа. Интуиция подсказывала: главный хищник сидит на вершине.

Двери разъехались. Здесь была другая атмосфера. Тишина, от которой закладывало уши. Мягкий, пружинящий под ногами ковролин, приглушенный свет. Никакой суеты.

В конце длинного коридора виднелась массивная дверь из темного дерева. Я пошла к ней, стараясь ступать неслышно. Ноги еле передвигались, каждый шаг давался с трудом, будто я шла сквозь зыбучие пески.

Приемная оказалась пустой. На огромном секретарском столе сиротливо светился монитор. Никого. А вот дверь в кабинет была приоткрыта. Оттуда доносились голоса. Мне нужно было остановиться. Подождать, постучать. Но страх гнал меня вперед. Я понимала: если сейчас остановлюсь, то просто сяду на пол и разрыдаюсь.

— ...я не спрашиваю, как это вышло, Артур. Я спрашиваю, кто.

Голос был низким, глухим и очень усталым. Но в этой усталости чувствовалась такая скрытая угроза, что у меня похолодело внутри. Я замерла у самого косяка, не решаясь войти.

— Мы проверяем, Руслан. Суммы не бьются на этапе транзакций. Это кто-то свой.

— Свой... — в голосе звякнул металл. — У меня под носом крысят мои деньги, а ты мне мямлишь про «своих»? Найди мне эту тварь. И когда найдешь... тихо реши вопрос. Без свидетелей.

Меня качнуло. «Тихо реши вопрос». Я знала, что это значит. Я смотрела достаточно новостей, чтобы понимать. Я попыталась. Господи, куда я прилезла? Это не бизнесмены. Это волки. Надо бежать. Прямо сейчас, пока меня не заметили.

Я сделала судорожный шаг назад. Каблук, предательски высокий для такой ситуации, подвернулся на мягком ворсе. Нога поехала. Я взмахнула рукой, пытаюсь ухватиться хоть за что-то, и локтем со всего размаха врезалась в высокую напольную вазу.

Она покачнулась. Я попыталась ее поймать, но пальцы только беспомощно скользнули по гладкому боку. Грохот разбивающегося фарфора разорвал тишину.

Голоса в кабинете оборвались мгновенно. Повисла пауза. Страшная, звенящая пауза, в которой я слышала только свое

бешеное сердцебиение. Я стояла над грудой осколков, нелепая, испуганная, прижимая к груди свою жалкую папку.

Дверь кабинета рывком распахнулась.

Глава 7. Лишний свидетель

На пороге стоял мужчина. Высокий, заполняющий собой проем. Белая рубашка расстегнута на пару пуговиц, рукава закатаны, открывая сильные руки с проступающими венами. Темные волосы слегка растрепаны, лицо жесткое, с резкими, хищными чертами.

Он посмотрел на белые осколки у моих ног, потом медленно поднял взгляд на меня. В его глазах не было ни интереса, ни удивления. Только холодное, тяжелое раздражение человека, которому помешали.

— Это еще что такое? — спросил он тихо, и от этого спокойного тона мне захотелось стать молекулой и раствориться в воздухе.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, извиниться, объяснить, но горло перехватило спазмом. Звука не было. Я стояла, как школьница, пойманная директором в туалете с сигаретой, и судорожно прижимала к груди дешевую пластиковую папку.

Из-за спины высокого выглянул второй – пониже ростом, коренастый, с цепким взглядом бультерьера. Тот самый, с которым хозяин кабинета обсуждал «крысу» и «тихое решение вопроса».

Его реакция была мгновенной. Он не стал задавать вопросов. Его рука дернулась к поясу – движение было смазанным,

профессиональным, и хотя пиджак скрывал кобуру, я кожей почувствовала угрозу.

— Ты как сюда попала? — рывкнул он, делая шаг вперед и отесняя первого мужчину, прикрывая его собой. — Охрана!

Хозяин кабинета остановил его ленивым жестом руки.

— Отставить, Арт.

Он шагнул через порог, хрустя осколками дорогого фарфора. Звук ломающегося под его ботинками фаянса резал по нервам. Он подошел ко мне вплотную. От него пахло дорогим табаком, сандалом и опасностью. Той самой, животной опасностью, от которой на загривке встают волосы.

Я задрала голову, чтобы смотреть ему в лицо. Он был огромным. Он нависал надо мной, как скала, и я физически ощущала тяжесть его взгляда. Он сканировал меня: бледное лицо, дрожащие губы, старый пиджак, судорожно сжатые пальцы.

— Ты кто? — спросил он. Голос звучал скучающе, но в глубине глаз плясали злые искры. — Уборщица? Курьер? Или просто дверью ошиблась?

— Я... — наконец выдавила я, и мой голос сорвался на жалкий писк. Я откашлялась. — Я к вам. Я звонила...

— К нам? — перебил коренастый, сверля меня подозрительным взглядом. — Секретаря нет на месте. Кто тебя пустил?

Он шагнул ко мне, явно намереваясь вышвырнуть вон без

лишних разговоров.

— Руслан, она стояла под дверью, — добавил он, обращаясь к боссу. — Она слышала разговор.

Воздух в коридоре мгновенно стал ледяным. Высокий, Руслан, чуть прищурился. Легкая скука исчезла с его лица, сменившись хищным напряжением.

— Слышала? — переспросил он сурово.

Он вдруг протянул руку и схватил меня за локоть. Его пальцы были жесткими, как стальные тиски. Он не причинял боли, но я поняла: вырваться невозможно.

— Зайди, — скомандовал он.

Он дернул меня на себя, затаскивая в кабинет, как нашкодившего щенка. Коренастый захлопнул дверь, отсекая нас от внешнего мира, от безопасности, от шанса на побег. Щелкнул замок.

Кабинет был огромным и мрачным. Темное дерево, кожаные диваны, панорамные окна во всю стену, за которыми серый город казался далеким и игрушечным. На массивном столе царил идеальный порядок, нарушаемый только небрежно брошенной пачкой сигарет.

Руслан отпустил мою руку, слегка подтолкнув меня к центру комнаты. Сам он обошел стол и сел в кресло, откинувшись на спинку. Второй мужчина остался стоять у двери, скрестив руки на груди, блокируя выход.

Я осталась одна посреди ковра, чувствуя себя мишенью в тире.

— Ну, рассказывай, — хозяин кабинета достал сигарету, и не прикуривая, начал её вертеть в пальцах. — Кто ты такая, как прошла мимо моих церберов внизу и, самое главное, что именно ты слышала стоя под дверью?

— Я... я ничего не слышала, — соврала я. Ложь была глупой, банальной. И на что я только рассчитывала? — Я только подошла.

— Врешь, — равнодушно констатировал он. — У тебя жилка на шее бьется так, что сейчас кожу прорвет. И глаза бегают. Арт, позови ребят. Пусть побеседуют с девушкой в подвале. Узнают, кто ее подослал.

— Нет! — вскрикнула я, делая шаг назад. Ноги подогнулись, и я едва устояла. — Пожалуйста! Не надо в подвал! Я не шпионка! Я Лариса! Лариса Ветрова!

Я выставила перед собой папку, как щит.

Руслан замер. Сигарета в его пальцах остановилась. Он медленно поднял брови, и на его лице появилось выражение безглагового осознания.

— Ветрова? — переспросил он, пробуя фамилию на вкус, как прокисшее молоко. — Жена Ильи?

— Да... — выдохнула я, чувствуя, как щеки заливают краска стыда. Быть женой Ильи сейчас было самым позорным клеймом на свете. — Я его жена. А вы... вы Руслан Громов?

Он хмыкнул. Коротко, и как-то зло. Чиркнул зажигалкой, закурил, глубоко затянулся и выпустил струю дыма в потолок.

— Допустим, — протянул он. — А муж описывал тебя иначе. Говорил, ты серая мышь, домашняя клуша. А ты, оказывается, с характером. Прорвалась через охрану, подслушиваешь под дверями... И зачем ты пришла, Лариса Ветрова?

Он подался вперед, опираясь локтями на стол. Его взгляд стал тяжелым, давящим.

— Муж прислал? Пришла просить отсрочку? Или он прислал тебя поплакать, надеясь, что я растрогаюсь от женских слез?

— Илья сбежал, — сказала я легким вызовом, глядя ему в глаза. Страх вдруг отступил, уступая место отчаянию. Терять мне было уже нечего. — Он улетел с любовницей. Я узнала об этом вчера, когда ваш оценщик пытался войти в мою квартиру.

Громов даже бровью не повел.

— Я знаю, где твой муж, но меня это не волнует. Меня волнует только то, что вчера был крайний срок по выплате процентов. Денег нет. Илья на звонки не отвечает. Значит, вступает в силу план «Б». Реализация залога.

— Это единственное жилье! — воскликнула я. — Вы не можете просто так выкинуть меня на улицу! Это незаконно!

Громов рассмеялся. Смех был тихим, но от него мороз шел по коже.

— Незаконно? Деточка, твой муж подписал договор, где черным по белому написано: он отказывается от любых пре-

тензий. И ты, кстати, тоже подписала. Твоя подпись там стоит.

— Она поддельная! — я бросила папку на стол перед ним. Она проехала по полированной поверхности и остановилась у его рук. — Вот! Я сделаю экспертизу... точнее, я сама вижу! Посмотрите! Хвостик у буквы «а» не мой! Я не знала об этом кредите!

Громов даже не взглянул на бумаги. Он лениво смахнул пепел в пепельницу.

— Мне плевать, — сказал он.

Эти два слова ударили сильнее пощечины.

— Что? — прошептала я.

— Мне. Плевать, — повторил он отдельно. — Поддельная она, настоящая... Это твои семейные разборки. Твой муж взял у меня пятнадцать миллионов рублей. Пятнадцать. Миллионов. Он их прожрал, прогулял и увез свою задницу на курорт. А мне оставил тебя и твою бетонную коробку. Ты думаешь, я буду играть в детектива и выяснять, кто там за кого расписывался?

Он встал. Огромный, мощный. Обошел стол и присел на край столешницы прямо передо мной, скрестив руки на груди. Теперь его лицо было на уровне моего. Я видела каждую морщинку у его глаз, чувствовала запах табака.

— Ты пришла сюда зачем? — спросил он тихо, но жестко. — Денег у тебя нет. Это видно по твоему внешнему виду. Квартиру отдавать не хочешь. Мужа вернуть не можешь.

Тогда зачем ты тратишь мое время?

— Я хочу, чтобы вы списали долг, — выпалила я. Сама испугалась своей наглости, но слова уже вылетели. — Или хотя бы заморозили его. Я не виновата. Почему я должна платить за чужую подлость? Оставьте мне квартиру. И убедите своих людей от моего подъезда.

В кабинете повисла тишина. Коренастый у двери хмыкнул, пряча улыбку. Громов смотрел на меня несколько секунд, не мигая. А потом его губы искривились в циничной, злой усмешке.

Он медленно скользнул взглядом по моей фигуре. Сверху вниз. Задержался на груди, скрытой глухой блузкой, прошелся по бедрам в узкой юбке, оценил ноги. В этом взгляде не было желания. Это был взгляд оценщика в ломбарде, который прикидывает стоимость поношенной вещи.

— Списать долг? — переспросил он с издевкой. — Пятнадцать миллионов? За красивые глаза?

Он наклонился ближе, вторгаясь в мое личное пространство.

— Ты, конечно, ничего такая. Фигуристая. Глаза большие, испуганные. Некоторым такое нравится. Но, детка... — он сделал паузу, добивая меня ухмылкой. — Я еще ни разу не трахал шлюх за пятнадцать миллионов. Ты столько не стоишь. Даже если будешь стараться очень сильно и очень долго.

У меня перехватило дыхание. Кровь отхлынула от лица. Я

чувствовала себя так, будто меня окунули в грязь с головой.

— Я не предлагаю вам себя! — выдохнула я, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Я не шлюха!

— Тогда что ты можешь мне предложить? — рявкнул он, мгновенно теряя игривый тон. — Почку? Душу? У тебя ничего нет, Ветрова. Твой муж взял у меня денег. И теперь я буду взыскивать их так, как посчитаю нужным.

Он выпрямился и вернулся в свое кресло, теряя ко мне интерес.

— Арт, выведи ее. Пусть едет домой и пакует вещи. Завтра приедут ребята.

Помощник отлип от двери и шагнул ко мне, протягивая руку, чтобы схватить за плечо. Все, конец. Меня сейчас вышвырнут. А завтра я окажусь на улице. В голове билась паника, но сквозь нее вдруг прорезалось воспоминание. Его слова. Те самые, которые я слышала под дверью.

«Суммы не бьются на этапе транзакций...»

Я отшатнулась от руки охранника.

— Подождите!

Глава 8. Последний аргумент

— Подождите!

Громов, который уже почти отвернулся к своему ноутбуку, замер. Его рука зависла над клавиатурой. Он медленно, очень медленно повернул голову обратно ко мне. Взгляд его стал тяжелым, давящим, как бетонная плита.

Арт, который уже почти сомкнул пальцы на моем локте, тоже остановился, вопросительно глядя на шефа.

— Что ты сказала? — голос Громова прозвучал тихо, но от этой тишины у меня заложило уши.

Я сглотнула, пытаясь протолкнуть колючий ком страха обратно в грудь. Отступать было некуда. Позади — улица, долги и «ребятки», которые приедут завтра. Впереди — этот страшный человек. И мой единственный шанс.

— Я слышала, — заговорила я, стараясь, чтобы слова не слипались в кашу. — Когда стояла под дверью. Вы говорили, что у вас воруют деньги. Что суммы не бьются на транзакциях, и вы не можете найти, кто это делает.

Лицо Громова окаменело.

— И что? — вкрадчиво спросил он. — Ты решила меня шантажировать тем, что подслушала? Думаешь, если знаешь про мои проблемы, я спишу тебе долг за молчание? Арт, кажется, подвал все-таки пригодится. Девочка слишком много знает.

Коренастый снова шагнул ко мне, и его хватка на моем плече стала жестче, до боли.

— Нет! — я дернулась, пытаюсь высвободиться. — Я не шантажирую! Я предлагаю помощь!

Громов рассмеялся. Коротко, лающе, без тени веселья.

— Помощь? От кого? От жены афериста, которая пришла сюда клянчить отсрочку? Чем ты мне поможешь, Ветрова? Подержишь свечку, пока я буду искать крысу?

— Я найду её, — выпалила я.

Смех оборвался. Громов чуть прищурился, сканируя меня взглядом, будто пытаюсь найти признаки безумия.

— Ты?

— Я аудитор, — сказала я твердо.

Страх никуда не делся, он все так же леденил внутренности, но включился профессиональный рефлекс. Когда говоришь о работе, эмоции отключаются. Остаются только цифры.

— Я бухгалтер с десятилетним стажем. Я занимаюсь внешним аудитом. Я умею искать спрятанные деньги. Я вижу схемы, которые другие пропускают, потому что глаз замылился. Если у вас воруют внутри компании — я найду кто.

Громов откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы в замок. Его лицо выражало крайнюю степень скепсиса.

— У меня целый отдел финансового мониторинга. У меня финдиректор с дипломом МВА и стажировкой в Лондоне. У меня служба безопасности, которая просвечивает сотрудни-

ков на рентгене. И они не нашли. А ты — женщина из спального района в дешевом пиджаке — утверждаешь, что умнее их всех?

— Ваш финдиректор не нашел, — парировала я, глядя ему прямо в глаза. — Может быть, потому что плохо искал. А может быть, потому что не хотел находить.

В кабинете повисла тишина. Только гудел кондиционер и где-то далеко, за тройными стеклопакетами, шумел город. Громов переглянулся с Артом. В глазах помощника читалось:

«Давай выкинем эту сумасшедшую».

Но Громов молчал.

— У меня есть мотивация, — продолжила я, чувствуя, что лед тронулся. — Вашим сотрудникам плевать, найдут они ошибку сегодня или через месяц. Они получают зарплату. А мне... мне нечего терять. И мне очень нужно, чтобы вы меня выслушали.

Громов побарабанил пальцами по полированному дереву стола.

— Торгуешься? — наконец спросил он. В его голосе проскользнул едва заметный интерес. — Жизнь свою продаешь?

— Квартиру, — поправила я. — Я найду вашу крысу. Я найду, куда уходят деньги. А вы... вы дадите мне отсрочку. Заморозите проценты. И уберете своих церберов от моего подъезда.

Он хмыкнул.

— Наглая. Муж говорил, ты тихоня. Соврал, выходит.

Он резко выдвинул ящик стола и, не глядя, вытащил оттуда толстую, потрепанную папку без надписей, перевязанную простой аптечной резинкой. С размаху бросил её на стол перед собой. Папка шлепнулась тяжело, весомо.

— Здесь распечатки транзакций по «черной» кассе за последний квартал. Самая грязь. Неофициальные проводки, обнал, переброски. Он посмотрел на свои массивные наручные часы, потом перевел взгляд на меня.

— Мои орлы быются над этим уже неделю. Баланс не сходится, деньги растворяются в воздухе.

Он кивнул на стул для посетителей.

— Садись.

Я на ватных ногах подошла и села на краешек стула.

— У тебя час, Ветрова, — сказал Громов, и его голос стал жестким, как удар хлыста. — Ровно шестьдесят минут. Если найдешь ошибку, схему, след, хоть что-то, чего не увидели мои «лондонские дипломы», мы обсудим твой долг.

Он сделал паузу, и его губы растянулись в улыбке, от которой мне захотелось сжаться в комок.

— А если не найдешь... Или если ты просто тянешь время... Тогда вариант со шлюхой мы пересмотрим. И ты отрабатываешь каждый рубль из пятнадцати миллионов. Лично и на моих условиях. Это я тебе обещаю.

Он придвинул папку ко мне.

— Время пошло.

Я смотрела на серый картон папки. Руки дрожали так, что я боялась к ней прикоснуться. Час. У меня есть час, чтобы совершить чудо. Разобраться в чужой «черной» бухгалтерии, без компьютера, без 1С, просто по бумажкам. Это невозможно. Любой аудитор скажет, что это бред.

Но потом я вспомнила черный джип у подъезда. Вспомнила голос любовницы в трубке: «Разбирайся сама». Вспомнила пустую квартиру.

Я глубоко вздохнула, загоняя панику в самый дальний угол сознания. Я – профессионал. Цифры – это единственное, что меня никогда не предавало. В отличие от людей.

Я протянула руку и открыла папку. Первая страница была испещрена колонками цифр. Даты, суммы, назначения платежей — хаос. Но для меня этот хаос начал выстраиваться в систему.

— Можно карандаш? — спросила я, не поднимая головы. Громов молча толкнул ко мне стакан с канцелярией.

Я взяла простой карандаш и погрузилась в цифры, забыв про Громова, про Арта, который продолжал стоять над душой, и про то, что моя жизнь сейчас стоит меньше, чем эта папка.

Глава 9. Пари с самим собой

Руслан
Я откинулся в кресле, чиркнул зажигалкой и с наслаждением затянулся. Сизый дым медленно поплыл к высокому потолку.

Цирк. Чистой воды цирк.

Передо мной, на краешке стула, сидела жена афериста, который кинул меня на пятнадцать миллионов, и с видом нобелевского лауреата черкала карандашом в моих черновиках. Лариса Ветрова. Я разглядывал ее сквозь дымовую завесу с тем ленивым любопытством, с каким сытый хищник наблюдает за странной добычей, которая сама пришла в его логово.

Она была... никакой. Нет, серьезно. Если бы я встретил ее в толпе, я бы забыл ее лицо через секунду. Типичная офисная мышь. Бледная кожа, синяки под глазами, какие бывают у тех, кто пашет по двенадцать часов за копейки. Волосы стянуты в этот жуткий, тугий пучок – ни одной живой пряди, как у старой училки. Пиджак ей мал в плечах, и ткань дешевая, синтетика, от которой, наверное, все чешется.

Илья, ее муженек, присылал мне фото с их отдыха, когда втирался в доверие. Там она была другой. Улыбалась, платье какое-то цветное... А здесь – комок нервов, обтянутый офисным дресс-кодом.

Арт стоял у двери, переминаясь с ноги на ногу. Я поймал его взгляд. Он выразительно постучал пальцем по запястью,

где должны быть часы.

«Руслан, ты серьезно? — читалось в его глазах. — Выкини ее и поехали, нас ждут».

Я чуть качнул головой. *Подожди*. Мне было любопытно. Это было новое, давно забытое чувство. Обычно женщины, которые приходили в этот кабинет просить за мужей, любовников или отцов, вели себя одинаково.

Они либо плакали. Либо предлагали себя сразу, без прелюдий. Могли еще угрожать связями, которых нет, но потом все равно плакали и предлагали себя.

Эта не плакала. Она вообще, кажется, забыла, что я здесь. Прошло десять минут. Ветрова перевернула страницу. Резко, с хрустом бумаги. Она грызла кончик карандаша, дурная привычка, и ее брови были сведены к переносице так сильно, что там залегла глубокая морщинка. Она что-то бормотала. Беззвучно, одними губами. Я прислушался, но гул кондиционера глушил звуки.

— Что там, Ветрова? — лениво спросил я, стряхивая пепел. — Дебет с кредитом не танцует?

Она даже не подняла головы. Просто отмахнулась от меня свободной рукой, как от назойливой мухи. От меня! В моем кабинете. Когда ее жизнь висит на волоске.

Я хмыкнул. Наглость — второе счастье, говорят? Или признак отчаяния? Скорее второе. Она ведь понимает, что час пройдет, и я ее уничтожу. У меня нет причин ее жалеть. Ее муж украл мои деньги, и по понятиям, да и по закону, черт

возьми, она отвечает за это. Но она сидит и делает вид, что ищет ошибку, которую не нашли мои лучшие спецы.

Я поймал себя на том, что слежу за ее рукой. Пальцы у нее были тонкие, без колец – обручального тоже не было, видимо, сняла или сдала в ломбард. Ногти короткие, без лака. Она писала быстро, ставила какие-то галочки, стрелочки, зачеркивала целые куски. Карандаш летал по бумаге.

— Двадцать минут, — напомнил я, просто чтобы проверить реакцию.

Она дернулась, плечи напряглись, но головы снова не подняла. Только еще яростнее впиалась в бумагу. Мне стало смешно. Она реально надеется что-то найти? В этих распечатках – хаос. Там черт ногу сломит. Мы гоняли эти суммы через три фирмы-помойки, дробили, смешивали. Чтобы найти там концы, нужно знать схему. А она видит эти цифры впервые. Она просто тянет время. Оттягивает момент, когда ей придется выйти за дверь, где ее ждут реальные проблемы.

Я открыл ноут, пытаясь проверить почту, но буквы не лезли в голову. Взгляд снова и снова возвращался к ней. Было в ней что-то... странное. Она не была красивой в привычном смысле – ни губ накачанных, ни ресниц до бровей, как у тех кукол, которых мне обычно подсовывают партнеры. Но в этой ее сосредоточенности, в том, как начинала выбиваться прядь у виска, как она покусывала нижнюю губу, была какая-то дикая, настоящая энергия. Энергия зверька, который попал в капкан, но вместо того, чтобы скулить, пытается пе-

регрызть пружину.

— Руслан, — тихо позвал Арт. — У нас встреча через полчаса.

— Отмени, — бросил я, не глядя на него.

Арт поперхнулся воздухом.

— Это же Ковалев. Мы месяц добивались...

— Я сказал – отмени. Скажи, форс-мажор. Аудит у нас, внеплановый.

Я увидел, как дернулся уголок губ Ветровой. Слышит, зараза. Все слышит.

Прошло сорок минут. Я уже откровенно скучал, но прерывать этот спектакль не хотелось. Я заключил с собой пари: на какой минуте она сломается? Когда начнет рыдать и говорить, что ничего не понятно? Или попытается соврать, тыкнув пальцем в небо? Я ставил на пятьдесят минут.

Ветрова вдруг замерла. Карандаш застыл в воздухе. Она медленно вернула страницу назад. Потом еще на две страницы назад. Потом вперед. Ее глаза забегали по строчкам. Дыхание стало частым, прерывистым. Грудь под этой дурацкой дешевой блузкой вздымалась так, будто она стометровку пробежала.

Она что-то нашла? Да нет, бред. Невозможно.

Она схватила лист, поднесла его ближе к глазам, чуть ли не носом уткнулась. И тут я увидел это. Улыбку. Не заискивающую, не испуганную. А хищную, злую улыбку профессионала, который поймал добычу. Она резко чиркнула каран-

дашом, обводя что-то жирным кругом. Грифель с хрустом сломался, но ей было плевать.

Она подняла голову. Впервые за этот час. Взгляд у нее был шальной. Пучок съехал набок, щеки горели лихорадочным румянцем. Куда делась серая мышь? Передо мной сидела валькирия с поломанным карандашом вместо меча.

— Пятьдесят пять минут, — сказал я, глядя на часы. — Время почти вышло, Ветрова. Готова отрабатывать телом?

Она медленно положила папку на стол и развернула её ко мне.

— Отрабатывать будет ваш финдиректор, — сказала она хриплым от долгого молчания голосом. — Если вы его не убьете раньше.

Я наклонился вперед, чувствуя, как внутри просыпается азарт.

— Удиви меня.

Глава 10. Тест на выживание

Я развернула папку к нему, прижимая ладонью испещренный пометками лист. Бумага под пальцами казалась наждачной, шершавой и неприятной. Я сосредоточилась на этом ощущении, чтобы заглушить тошнотворный ком, подступивший к горлу.

— Смотрите сюда, — произнесла я, сглатывая вязкую слюну. — Вот транзакции за октябрь. Третьего, десятого и семнадцатого числа. Вывод средств на ООО «Строй-Ресурс». Назначение платежа: «Закупка материалов». Суммы разные: три миллиона, четыре с половиной, два.

Громов подался вперед. Он навис над столом, опираясь на него кулаками, и его тень накрыла меня, перегораживая свет лампы. Пространство вокруг сжалось до размеров этого стола. Я чувствовала исходящий от него жар и тяжелый, обволакивающий запах дорогого парфюма вперемешку с табаком — аромат, от которого кружилась голова.

— И что? — спросил он. — Мы строим склад, это нормальные траты.

— Нет, не нормальные, — отрезала я, чувствуя, как профессиональный азарт начинает вытеснять животный ужас. — Посмотрите на возвраты. Через два дня после каждого платежа деньги возвращаются на счета другой вашей фирмы, «Гарант-Логистик». Якобы как «возврат аванса» или «опла-

та транспортных услуг», но возвращаются они не полностью.

Я резко чиркнула карандашом по полям, грифель с неприятным скрипом прошелся по бумаге, оставляя жирный след.

— Каждый раз сумма уменьшается ровно на три с половиной процента. Не на три, не на четыре. Ровно на три с половиной, вплоть до копейки. Это не комиссия банка, не курсовая разница. Я считаю, что это процент за обнал.

Громов нахмурился. Его взгляд внимательно скользил за моим карандашом.

— Мои финансисты сказали, что это операционные расходы. Логистика, налоги.

— Ваши финансисты скармливают вам сказки, — сказала я, поднимая на него глаза. — Посмотрите на даты. Третьего числа вы переводите деньги, пятого они возвращаются, но пятого числа было воскресенье. Банки не проводят такие проводки день в день в выходные, если это не внутрибанковский перевод. А «Строй-Ресурс» и «Гарант-Логистик» — в разных банках. Я видела реквизиты на первой странице.

Я перевернула лист назад и ткнула в БИК банков с такой силой, что чуть не порвала бумагу.

— Эти деньги никуда не ходили физически. Они крутились внутри одной «прачечной». Кто-то просто гоняет ваши миллионы по кругу, откусывая от них куски, и рисует вам красивые отчеты. За этот квартал вы потеряли на таких «прогонах» около двенадцати миллионов рублей.

В кабинете воцарилась вакуумная тишина. Казалось, даже

воздух стал разреженным. Слышно было только монотонное гудение системного блока и напряженное дыхание присутствующих.

Громов молчал. Он смотрел на цифры, потом переводил взгляд на меня, потом снова переключал внимание на цифры. Его лицо не выражало гнева — оно словно омертвело, превратившись в античную маску. Только в уголках глаз собрались жесткие, лучевидные морщины, которых секунду назад там не было.

Он медленно выпрямился и посмотрел на Арта, который все это время стоял у двери безмолвным изваянием.

— Арт, — голос Громова стал тихим, вкрадчивым. — Кто курирует контракты со «Строй-Ресурсом»?

Арт, который тоже подошел к столу и заглядывал в бумаги, поднял на босса взгляд, полный мрачного понимания.

— Твой зам по финансам. Никольский.

Громов кивнул. Медленно, как маятник, отсчитывающий последние секунды чьей-то карьеры.

— Никольский... Диплом Лондона, говоришь? — он усмехнулся. — Значит, операционные расходы.

Он вдруг схватил папку со стола и швырнул ее в стену. Папка ударилась о деревянную панель, листы разлетелись по всему кабинету белым снегопадом. Я вздрогнула и вжалась в спинку стула, ожидая, что следующий удар достанется мне.

Но Громов даже не посмотрел в мою сторону. Он подошел к окну и уставился на серый мегаполис, засунув руки в кар-

маны брюк. От его спины исходило такое напряжение, что казалось, ткань рубашки сейчас лопнет.

— Найди его, — бросил он Арту, не оборачиваясь. — Сейчас же и привези на базу. Я хочу послушать про его операционные расходы лично.

— Понял, — коротко ответил Арт. Он достал телефон и быстро вышел из кабинета.

Мы остались одни. Я сидела ни жива ни мертва, глядя на широкую спину этого страшного человека. Я сделала то, что обещала. Я нашла крысу. Но почему мне стало еще страшнее? Будто я зашла в клетку к тигру.

Прошла минута, показавшаяся мне вечностью. Громов повернулся ко мне. Взгляд его изменился. В нем исчезло презрение. Теперь он смотрел на меня оценивающе, холодно, расчетливо. Так смотрят на инструмент, который неожиданно оказался полезнее, чем выглядел на витрине.

Он подошел к столу, сел в свое кресло и сцепил пальцы в замок.

— Ты была права, Ветрова. Это схема. Примитивная, наглая схема, которую мои идиоты проглядели, потому что смотрели в итоговые суммы, а не в проводки.

Я выдохнула, чувствуя, как отпускает спазм в груди.

— Значит... мы договорились? — спросила я осторожно. — Вы спишете долг? И оставите мне квартиру?

Громов склонил голову набок, и его глаза сузились.

— Ты нашла утечку на двенадцать миллионов, — произ-

нес он задумчиво. — Твой муж украл у меня пятнадцать. Плюс проценты, плюс штрафы за просрочку. Итого почти восемнадцать. Математика не в твою пользу, Лариса.

Надежда, которая только что начала робко расправлять крылья, с хрустом поломалась и полетела вниз.

— Но я помогла вам! Если бы не я, вы бы потеряли еще больше!

— Возможно, — согласился он равнодушно. — А может, мои безопасники нашли бы это завтра. Или через неделю. Ты сэкономила мне время, это правда, но ты не вернула мне деньги.

Он подался вперед, и его глаза хищно блеснули.

— Ты хороший специалист. Дотошный, злой. Мне такие нужны. Мой финдиректор, судя по всему, скоро освободит должность. Вакансия открыта.

— Я не буду на вас работать, — быстро сказала я, мотая головой. — У меня есть работа. Нормальная, легальная работа. Я просто хочу, чтобы вы отстали от меня.

Мысль о том, чтобы каждый день приходить в это логово, вызывала панический протест.

— Считай, что у тебя нет работы, — жестко перебил он. — Как только твой начальник узнает, что у тебя проблемы с долгами и бандитами, тебя уволят. Никому не нужен главбух с рисками. К тому же, тебе придется платить мне, а твоей зарплаты в той конторке не хватит даже на погашение процентов.

Он говорил спокойно, рубил фразами, как топором. И каждое слово было правдой.

— Я предлагаю вариант, — продолжила он. — Ты переходишь ко мне. Проводишь полный аудит моей «черной» кассы. Вывернешь наизнанку все мои фирмы, найдешь все дыры. И будешь сама вести всю бухгалтерию.

— И тогда вы простите долг? — с надеждой спросила я. Громов рассмеялся.

— Не наглей. Ты будешь получать зарплату. Хорошую зарплату, выше рынка. Половину я буду удерживать в счет погашения процентов и основного долга. Вторая половина — тебе на жизнь. Квартиру я пока не трогаю, живи, но документы остаются у меня.

Я быстро прикинула в уме.

— Это... это же годы работы.

— Зависит от того, как будешь работать. Может, найдешь еще что-то интересное, и я выпишу премию. А может, накопишь, и счетчик ускорится.

Он откинулся в кресле, всем видом показывая, что торг неуместен.

— Выбора у тебя нет, Ветрова. Либо ты работаешь на меня и платишь. Либо ты выходишь за эту дверь, и завтра твоя квартира уходит с молотка, а долг продолжает расти. И поверь, методы взыскания тебе не понравятся.

Я смотрела на него и понимала, что он прав. Я в капкане. Он не отпустит меня просто так. Но, по крайней мере, это

шанс сохранить крышу над головой и не бояться каждого стука в дверь.

— Я не хочу иметь дело с криминалом, — тихо сказала я. — Это опасно.

— Жить с идиотом, который тебя предал тебя таким способом, тоже было опасно, но ты как-то справлялась, — парировал он. — Здесь, в офисе, ты под моей защитой. Твоя задача — цифры. В остальное не лезь.

Он посмотрел на часы.

— Завтра в девять ноль-ноль жду на планерке. Опоздаешь на минуту — штраф. Дресс-код у нас строгий, так что приведи себя в порядок.

— Я еще не согласилась, — пробормотала я из чистого упрямства.

Громов уже открыл ноутбук, теряя ко мне интерес.

— А я тебя и не спрашиваю. Ты мне должна, теперь отбавываешь. Свободна.

Глава 11. Передышка

Я вышла из кабинета, аккуратно прикрыв за собой тяжелую дверь. В приемной было пусто, и эта пустота показалась мне спасительной после того напряжения, которым был пропитан воздух у Громова.

Ноги дрожали. Не той мелкой противной дрожью, что бывает от холода, а крупной, расслабляющей вибрацией, когда адреналин резко уходит из крови, оставляя взамен свинцовую усталость. Мне казалось, что я только что разгрузила вагон угля или обезвредила бомбу, перерезав наугад нужный провод.

Я спустились вниз на лифте, гипнотизируя табло с меняющимися цифрами этажей: 20, 15, 10... С каждым этажом давление, сжимавшее грудную клетку, ослабевало.

Я справилась. Я не просто выжила в клетке с тигром, я заключила с ним сделку. Да, кабальную. Да, я продала свое время и нервы на годы вперед. Но у меня осталась квартира. У меня есть работа. И, черт возьми, я заставила их себя слушать.

Двери лифта разъехались на первом этаже и я шагнула в холл.

Охранники на турникете, те самые, что час назад смотрели сквозь меня как через стекло, теперь проводили меня внимательными взглядами. Видимо, новость о том, что я вы-

шла от Большого Босса живой и с работой, распространилась быстрее вируса.

Я вышла на улицу и жадно вдохнула сырой, загазованный московский воздух. И он показался мне сладким. Дождь кончился, но небо все еще висело низко, цепляясь серым брюхом за крыши высоток.

Такси приехало быстро. Я назвала адрес и откинулась на спинку сиденья, закрыв глаза. Домой. Господи, как же я хотела домой.

Всю дорогу я готовила себя к худшему. Я представляла черный джип, стоящий у подъезда. Представляла угрюмые лица охраны, которые будут следить за каждым моим шагом. Громов обещал отозвать людей, но разве можно верить бандиту?

Такси свернуло в мой двор. Я напряглась, вцепившись в ручку двери. Двор был пуст. На месте, где утром стоял черный монстр, припарковалась соседская «Лада». Никаких тонированных иномарок. Никаких подозрительных личностей в капюшонах на скамейке. Обычный, тихий двор спального района. Бабушки, дети на качелях, курьер с желтым рюкзаком.

Я расплатилась и вышла из машины, не веря своим глазам. Обошла дом кругом, заглянула за угол. Никого. Громов не соврал. Он действительно убрал охрану.

Я набрала код домофона дрожащими пальцами. Знакомый писк показался мне музыкой. Лифт, привычно пахну-

ций чужими ароматами, поднял меня на мой этаж. Ключ повернулся в замке мягко, без сопротивления.

Я вошла в квартиру и заперла дверь на все обороты. Щелчка, верхний замок, нижний. Тишина. Родная, пахнущая моим кофе и моим кондиционером для белья тишина. Никто не ходил здесь в грязных ботинках, не оценивал мои стены лазерной рулеткой, не звонил в дверь.

Я прислонилась спиной к двери и медленно сползла на пол, прямо на коврик. Сумка выпала из рук. И тут меня накрыло.

Слезы хлынули потоком, горячим и безудержным. Я сидела на полу в прихожей, в этом тесном, неудобном пиджаке, и рыдала в голос, размазывая тушь по щекам. Я плакала не от горя, а от облегчения. От того, что этот бесконечный, кошмарный день наконец-то закончился, и я все еще жива. Я в своем доме. Я не на улице.

Я плакала минут десять, пока внутри не стало пусто. Потом поднялась, прошла в ванную и посмотрела в зеркало. Из стекла на меня глядела панда. Черные круги вокруг глаз, красный нос, растрепанный пучок. Красавица. И вот это существо сегодня торговалось с самым опасным человеком города?

Я включила воду. Горячую, почти кипятком. Смыла косметику. Стянула с себя офисную одежду, бросив пиджак прямо на пол. Залезла под душ и стояла там долго, позволяя воде смывать с меня прикосновения чужих взглядов, запах чужо-

го кабинета, страх и унижение.

Когда я вышла, завернувшись в мягкий махровый халат, сразу отправилась на кухню. Заварила чай с мятой и достала из шкафчика плитку шоколада – заначку на черный день. День был чернее некуда, так что время пришло.

Я села у окна, глядя на темнеющий двор. Там зажигались фонари, в окнах напротив мелькали силуэты людей. У них была обычная жизнь: ужины, уроки с детьми, сериалы. Моя обычная жизнь закончилась вчера. Завтра начнется новая.

Я не знала, что меня ждет в "Гаранте". Я не знала, смогу ли я найти все деньги, которые украл этот Никольский. Я не знала, как буду смотреть в глаза Громову каждый день. Но я знала одно: у меня есть шанс.

Я доела шоколад и пошла в спальню. Достала из шкафа свой лучший костюм – темно-синий, брючный, безупречного кроя. Он сидел на мне идеально, добавляя собранности. Повесила его на плечики, чтобы отвиселся. Выбрала блузку, почистила туфли. Собрала сумку: блокнот, ручки, калькулятор, влажные салфетки...

Я готовилась к завтрашнему дню методично, стараясь не упустить ни одной мелочи. Рутинa успокаивала. Когда руки заняты делом, в голове меньше места для паники.

Я завела будильник на семь утра. Легла в постель, которая казалась слишком большой и холодной без Ильи. Рука привычно потянулась к второй подушке, но я одернула себя. Схватила эту подушку и швырнула ее на пол. Хватит. Его

здесь нет и больше никогда не будет.

Я закрыла глаза. Перед мысленным взором почему-то всплыло лицо Громова. Его насмешливый взгляд, когда он просил удивить его. Что ж, Руслан Андреевич, я вас удивлю. Вы еще не знаете, кого наняли.

Я провалилась в сон мгновенно, как только голова коснулась подушки. Сон без сновидений. Просто черная яма, в которую я упала от усталости.

Глава 12. Новый статус

Будильник прозвенел ровно в семь. Я открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, прислушиваясь к дому. Тишина. Никто не ломился в дверь, не кричал под окнами. Громов сдержал слово — периметр был чист.

Я встала, чувствуя себя странно отдохнувшей, словно организм в стрессе перешел на резервное питание. Душ, кофе, сборы. Я надела приготовленный с вечера костюм. Убрала волосы, нанесла макияж. В зеркале отразилась вполне собранная женщина.

Я, конечно, волновалась, ожидая косых взглядов или шепота за спиной, стараясь настроить себя на рабочий лад.

Но «Гарант» встретил меня неестественной, пугающей тишиной.

На входе тот самый охранник, который вчера меня игнорировал, вскочил при моем появлении и распахнул турникет.

— Доброе утро, Лариса Анатольевна! Проходите, пожалуйста. Ваш пропуск уже готов. Хорошего дня!

Я кивнула, ожидая подвоха, но его улыбка была широкой и совершенно искренней.

В приемной Громова меня ждала молодая, очень красивая девушка.

— Доброе утро, меня зовут Инга, — представилась она с

обезоруживающей улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.